Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 346–352
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 346–352
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-3-346-352, EDN: WCBKMD

Научная статья
УДК 32.019.51

Военная политика – вызовы высоких технологий

В. А. Труханов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Труханов Виктор Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры гражданской обороны и специальной подготовки, truhanov_viktor@mail.ru, https://orcid. org/0000-0002-2728-5953

Аннотация. В статье рассмотрены особенности влияния современных высоких технологий на военную политику и национальную безопасность государства. Автор отмечает, что произошел переход с трехмерной среды военного противостояния во многомерную – пространственную. Пространством борьбы становятся не только воздушно-космическая, морская и сухопутная среда, но также глубокий тыл, информационная среда и психология масс. В этой сфере, непривычной и неосвоенной для субъектов военной политики, ведущую роль начинают играть высокотехнологичные средства борьбы, т. е. оружие, основанное на новых информационно-технологических и физических принципах, включая искусственный интеллект. Автор относит к современным технологиям военной политики технические средства – беспилотные аппараты воздушного, наземного и морского действия, а также концепции социально-информационного характера, получившие на Западе названия «мягкая сила», «умная сила», «жесткая сила». Подтверждением факта влияния современных технологий на военную политику явились результаты социологического исследования, проведенного кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, где немногим более половины респондентов в той или иной степени равнодушно и даже негативно относятся к отстаиванию национальных интересов России в плане проведения СВО. Это является ярким результатом политики «мягкой силы» наших недоброжелателей в отношении сознания российской молодежи. Также и современные боевые технические средства серьезно изменили поле боя, теперь решающую роль в войне стали играть высокие технологии, в том числе искусственный интеллект. Это позволяет сделать вывод об эффективности как технических, так и социально-информационных технологий и их влиянии на военную политику и национальную безопасность государства.

Ключевые слова: военная политика, субъекты принятия политических решений, современные технологии, «мягкая сила», «умная сила», «жесткая сила», искусственный интеллект, вызовы, опасности, угрозы национальной безопасности, молодежь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук (проект «Отношение «цифрового» поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации» № НИОКТР: 124080600009-6).

Для цитирования: *Труханов В. А.* Военная политика – вызовы высоких технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 346–352. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-3-346-352, EDN: WCBKMD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Military policy – challenges of high technologies

V. A. Trukhanov

Saratov State law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Viktor A. Trukhanov, truhanov_viktor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2728-5953

Abstract. This article examines the peculiarities of the influence of modern high technologies on military policy and national security of the state. The author notes that there has been a transition from the three-dimensional environment of military confrontation to a multidimensional – spatial one. The space of struggle is becoming not only the aerospace, marine and land environment, but also the deep rear, the information environment and the psychology of the masses. In this area, which is unusual and undeveloped for subjects of military policy, high-tech means of warfare are beginning to play a leading role, that is, weapons based on new information technology and physical principles, including artificial intelligence. The author refers to modern technologies of military policy as technical means – unmanned aerial, land and sea vehicles, as well as concepts of a socio-informational nature, called "soft power", "smart power", "hard power" in the West. The results of a sociological study conducted by the Department of Political Sciences at Saratov State University confirmed the influence of modern technologies on military policy. Where slightly more than half of the respondents are more or less indifferent and even negative about upholding Russia's national interests in terms of its implementation. This is a clear result of the "soft power" policy of our detractors

© *Труханов В. А., 2026*

towards the consciousness of Russian youth. Modern combat technology has also seriously changed the battlefield, now high technologies, including artificial intelligence, have begun to play a decisive role in the war. This allows us to draw a conclusion about the effectiveness of both technical and socio-information technologies and their impact on the military policy and national security of the state.

Keywords: military policy, subjects of political decision-making, modern technologies, "soft power", "smart power", "hard power", artificial intelligence, challenges, dangers, threats to national security, youth

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Expert Institute for Social Research in cooperation with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences (project "The Attitude of the Digital Generation to Youth Policy in Modern Russia: assessments, risks, optimization options" No. НИОКТР: 124080600009-6).

For citation: Trukhanov V. A. Military policy – challenges of high technologies. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology,* 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 346–352 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-3-346-352, EDN: WCBKMD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Есть мнение, что Александру III принадлежит выражение: «У России только два союзника – ее армия и флот». Сказал он это или нет, мы уже не узнаем, но смысл этого выражения ясен, и тут только можно отметить, что в современных условиях добавились еще два союзника – РВСН и ВКС. Самые высокотехнологичные войска в составе Вооруженных сил России.

Как отмечено в Стратегии национальной безопасности России, военно-политическая обстановка в мире характеризуется формированием новых глобальных и региональных центров силы, обострением борьбы между ними за сферы влияния. Возрастает значение военной силы как инструмента достижения геополитических целей субъектами международных отношений. Усилению военных опасностей и военных угроз для Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия. На фоне развития потенциала глобальной системы противоракетной обороны Соединенные Штаты Америки проводят последовательный курс на отказ от международных обязательств в области контроля над вооружениями. Планируемое размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе формирует угрозу стратегической стабильности и международной безопасности[1].

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Ст. 34, 35, 36 // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mq59ph0zsy28362297 (дата обращения: 05.04.2026).

Все это создает реальные вызовы для национальной безопасности Российской Федерации, на которые необходимо реагировать и отвечать, иначе в будущем они перерастут в опасность, угрозу силовой конфронтации и даже в мировую войну, в которой Россия будет объектом и субъектом противостояния, несмотря на ядерный статус. Кстати, тезис о том, что в эпоху атомного оружия не может быть мировой войны, был опровергнут еще в середине XX в. военным теоретиком русского происхождения полковником Генерального штаба Евгением Месснером, который утверждал, что можно избежать атомной войны, если Третью Всемирную раздробить на несколько последовательных локальных войн [1, с. 180]. Это и наблюдается в настоящее время.

Объектом исследования в данной статье является военная политика**,** предметом исследования **–** влияние современных технологий социального, информационного и технического характера на военную политику и национальную безопасность государства.

Методология: в анализе специфики влияния на военную политику использовались общенаучные методы – анализ и синтез, а также специфический метод – включенное наблюдение. Эмпирическую базу нашего исследования составили результаты онлайн-анкетирования. В ноябре-декабре 2025 г. были опрошены 1864 жителя Саратовской области в возрасте от 14 до 35 лет. Онлайн-анкета включала в себя 28 вопросов. Среди опрошенных оказалось 60,7% женщин и 39,3% мужчин. Из них 56,9% проживают в областном центре, 34,5% – в районных центрах, 8,6% – в сельской местности. По возрастному критерию респонденты распределились таким образом: от 14 до 17 лет – 33,5%; от 18 до 25 лет – 60,1%; от 26 до 30 лет – 2,9%; от 31 до 35 лет – 3,5%.

Цель данной статьи – рассмотреть влияние современных технологий, социального, информационного, технического характера на военную политику и национальную безопасность государства.

Результаты исследования

Сегодня происходят революционные изменения в конфигурации военной безопасности и ведения боевых действий. К примеру, произошел переход с трехмерной среды военного противостояния и ведения боевых операций в другую среду: с воздушно-космической, сухопутной и морской на всеобъемлющую – пространственную. Пространством борьбы становится не только линия боевого соприкосновения, но также глубокий тыл, информационная среда и психология масс. В этой непривычной и неосвоенной для субъектов военной политики сфере новой ведущей силой в борьбе выступает интеллектуально-информационное оружие, а также оружие, основанное на новых технологических и физических принципах.

Физическая сила, нисколько не утрачивая своего значения и востребованности, уступает место интеллектуально-физическому оружию. Дистанция между этими силами увеличивается в разы. Привычного тыла и фронта нет – БПЛА и ракеты могут наносить удары по стратегически важным политическим, военным, экономическим объектам глубоко в тылу территории противника, используя интеллектуальные алгоритмы, заложенные в программу боеприпаса. Вызовы современных высоких технологий в военной сфере заставляют искать адекватные ответы, в том числе подключать искусственный интеллект (ИИ), который используется для анализа потока информации, принятия решения, выбора приоритетной цели, наведения на нее соответствующего боеприпаса, управления роем дронов и т.п.

Необходимость профессиональной армии – вызовы современных технологий

Еще в 2021 г. ученые академии Генерального штаба ВС РФ отмечали, что в ходе битв будущего за сферы влияния на глобальных рынках будет и уже разворачивается борьба в сфере высоких технологий. Использование беспилотной роботизированной техники с применением систем ИИ станет основным методом ведения боевых действий будущего. Эффективность боевого применения высокотехнологичных ударных и разведывательных беспилотных летательных аппаратов, безусловно, доказана рядом вооруженных конфликтов [2, с. 539].

По нашему мнению, данный тезис уходит в прошлое, в настоящее время в современной вооруженной борьбе уже произошел переход к интеллектуальному оружию, в условиях, когда существует избыток данных и дефицит времени, уже невозможно обойтись без ИИ, который позволяет сократить этап от получения информации до принятия решения. Военные считают, что аналитические системы могут быстрее людей разбирать всю разведывательную информацию, поступающую с дронов, камер наблюдения, прослушки переговоров, находить слабые места у противника и предлагать возможные решения.

В США для похожих задач уже применяют систему Maven, созданную компанией Palantir. Американская армия использует платформу для обработки боевых данных, в том числе изображений и видео, чтобы быстрее оценивать обстановку и принимать решения[2].

Активно внедряют в военную сферу возможности ИИ Китай и Израиль. Так, Китай к 2030 г. объявил приоритетной целью в сфере информационных технологий стать мировым лидером в области ИИ, а к середине 2030-х – интегрировать интеллектуальные системы во все ключевые компоненты своего военного потенциала, основываясь на политике «гражданско-военной интеграции». Это позволит использовать технологии машинного обучения, анализировать большой массив данных в сфере управления войсками, разведки, применения оружия и обучения кадров [3].

Традиционной технологией в пространстве борьбы остается информационно-психологическая война, где объектом воздействия является массовое сознание населения, особенно молодежи. Употребленный еще А. Даллесом, термин «information warfare» в отечественной науке имеет множество переводов, и вариант «информационная война» не является единственным: в отечественных источниках можно встретить термины «информационное противоборство», «информационно-психологическая война» и др. Эволюцией информационной и психологи-

[2] Бундесвер признал: люди больше не справляются. Зачем немецкой армии срочно понадобился ИИ. URL: // https://www.securitylab.ru/news/570832.php (дата обращения: 05.04.2026).

ческой войн стала когнитивная война, которая фокусируется на познании и человеческом разуме, делая их пространством для ведения боевых действий в конфликтах XXI в. [4].

Рассматривая невоенные методы ведения борьбы, стоит обратить внимание на разработанные в США и уверенно использующиеся различные невоенные концепции информационно-психологического характера. Такую концепцию, как «мягкая сила» (soft power), затем «умная сила» (smart power), сформулировал и предложил американский политолог Джозеф Най в 2004 г. в книге «Soft power: The means to success in world politics» [5]. Причина очевидна: одни лишь мягкие методы редко приносят результат без инструментов принуждения. США годами инвестировали в образовательные программы, НКО и грантовые сети за рубежом, но в критический момент власти разных стран смогли все это разогнать, запретить и раздавить силой. Так, после 2012 г. в России резко ограничили деятельность западных фондов, в Центральной Азии закрыли НКО, в Венгрии закрыли университет Сороса, а в Египте арестовали сотрудников правозащитных организаций. Тем не менее «мягкая сила», активно работающая в отношении России в 1990-е гг., свою роль выполнила, в первую очередь посредством формирования общества потребителей. «Потребители» России в феврале, а затем при объявлении частичной мобилизации в сентябре 2022 г.[3] массово стали покидать Родину, не желая участвовать в СВО и отстаивать национальные интересы.

Кумулятивный эффект воздействия «мягкой силы» имеет место и в первых десятилетиях XXI в. Это подтверждают опросы учащейся молодежи Саратовской области, проводимые ежегодно с 2023 г. кафедрой политических наук СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Последний опрос, в ноябре-декабре 2025 г., дал ожидаемый результат в отношении проведения СВО. Так, молодые люди на вопрос «Насколько внимательно респондент следит за ходом проведения специальной военной операции на Украине» ответили: «очень внимательно» – 13,9%, «довольно внимательно» – 33,4%, «без особого внимания» – 36,4%, «вообще не слежу» – 16,3%. Как мы видим, чуть больше половины опрошенных молодых людей (52,7%) довольно равнодушно относятся к информационной повестке, связанной со специальной военной операцией. В то же время 47,3% в той или иной степени следят за ходом СВО.

На вопрос о степени поддержки респондентом проведения специальной военной операции на Украине ответили «определенно да» 22,3%, «скорее да» – 18,8%, «скорее нет» – 8,3%, «определенно нет» – 14,0%, затруднились с ответом 36,6% информантов.

Иными словами, немного, но все-таки более половины респондентов в той или иной степени равнодушно и даже негативно относятся к отстаиванию национальных интересов России в плане проведения СВО, что является ярким результатом проведения политики «мягкой силы» в отношении сознания российской молодежи нашими недоброжелателями, и не только внешними, но и внутренними. Одновременно зафиксирована существенная доля молодых людей, внимательно следящих за ходом специальной военной операцией, а 41,0% высказались в разной степени в ее поддержку.

Учитывая продолжительный по времени характер проведения СВО, нарастающую в обществе усталость и апатию от негативной информации, стоит обратить внимание на другую концепцию, предложенную также Джозефом Наем, заключающуюся в сочетании всех инструментов влияния: военных, экономических, дипломатических, культурных – это так называемая «умная сила» (smart power), которая означает синхронизацию давления и привлечения, т. е. когда ограниченные удары по ключевым объектам сочетаются с программами гуманитарной помощи, санкции – с культурными проектами, антикоррупционные расследования – с дипломатическими встречами.

Преимущество здесь в том, что «умная сила» позволяет разделять потенциального противника на группы и обращаться к этим группам по-разному. Силовики и патриоты подвергаются точечным ударам и персональным санкциям, оппозиции и активистам открытого общества предоставляется поддержка, бизнесу предлагают стимулы, интеллигенцию вовлекают в свою орбиту влияния через образовательные и культурные программы. Так создается система дифференцированного воздействия, которая не позволяет обществу

[3] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/69391 (дата обращения: 23.11.2025)..

консолидироваться против внешнего врага и постепенно разрушает его изнутри. При этом внешнее вмешательство выглядит как «внутренний» процесс, а внешний игрок часто выступает как посредник или даже спаситель от террора и диктатуры [6, 7].

В условиях современных разрастающихся военных конфликтов все большее значение приобретает влияние на состояние национальной безопасности информационных технологий, реализующихся через СМИ, к которым относится и интернет. Известны слова Р. Никсона: «Выгоднее вложить один доллар в прессу, чем десять долларов в оружие: оружие вряд ли заговорит вообще, а пресса с утра до вечера не закрывает рта» [8].

Советский физик Петр Капица (1894–1984) высказался в отношении СМИ еще более радикально: «Средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения» [9].

Современные информационные технологии лишь усилили возможности «умной силы». Социальные сети позволяют выявлять отдельные группы внутри общества и обращаться к ним напрямую, минуя правительства и СМИ. Это стало серьезно влиять на государственную политику и систему национальной безопасности, что привело в нашей стране, в свою очередь, к отключению или ограничению деятельности ряда социальных сетей: Instagram* (запрещена в РФ, принадлежит корпорации Meta, признанной в РФ экстремистской), YouTube, Telegram, WhatsApp.

Война – работа профессионалов

Современный военно-политический лексикон избегает употребления слов «война», обычно применяются такие выражения, как антитеррористическая операция, контртеррористическая операция, вооруженный конфликт, принуждение к миру, специальная военная операция, операция «Эпическая ярость» (англ. Epic Fury), операция «Рёв льва». Все это свидетельствует о нежелании политической элиты преждевременно вводить общество в состояние психологии войны, но вместе с тем требует от субъектов военно-политического управления совершенствовать вооруженные силы и другие силовые структуры в соответствии с новыми вызовами.

В первую очередь это касается совершенствования высокотехнологических войск, в том числе их информационно-психологическую часть, переводя на профессиональную основу, учитывая и развивая опыт СВО: не отказываясь от обязательной воинской службы по призыву, увеличивать количество профессиональных военнослужащих, набираемых в ВС по контракту; военнослужащих, проходящих службу по призыву, при увольнении в запас зачислять в резерв, который в военное время в случае необходимости может быть призван для решения профессиональных задач на поле боя.

Под профессиональной армией многие понимают только контрактную систему комплектования ВС. На самом деле профессионалы – это хорошо подготовленные и мотивированные военнослужащие, имеющие на вооружении самые современные средства ведения вооруженной борьбы, что не исключает и комплектование по призыву. Пример – армия Китая, имеющая на вооружении высокотехнологические средства ведения борьбы, которые обслуживают военнослужащие по призыву, но в их профессионализме не приходится сомневаться.

Как показал опыт развитых стран, одна армия, комплектующаяся по контракту, не в состоянии решить весь комплекс боевых задач на поле боя. Примером может служить армия США. Так, в 1991 г. во время операции «Буря в пустыне» при вторжении в Ирак, впервые со времен войны во Вьетнаме, правительство страны было вынуждено призвать в армию более 250 тыс. резервистов[4]. Во время агрессии НАТО против Югославии президент США Билл Клинтон издал приказ о призыве на военную службу 33 тыс. американских резервистов[5]. Согласно официальным данным, всего в США насчитывается 870 тыс. национальных гвардейцев и резервистов. Каждый год они проходят двухнедельные военные сборы[6]. Это количество резервистов ежегодно пополняется уволенными с контрактной службы военнослужащими.

С началом специальной военной операции в 2022 г. стало ясно, что объявленное еще в начале 2001 г. сокращение ВС России до 0,8 млн военнослужащих [10] таило в себе скрытую опасность для национальной безопасности государства. Поэтому с началом СВО числен-

[4] США мобилизуют резервистов. 5.12.2002 // KM.RU : интернет-портал. URL: https://www.km.ru/glavnoe/2002/12/05/kommentarii-dnya/ssha-mobilizuyut-rezervistov (дата обращения: 23.11.2025).

[5] Там же.

[6] Там же.

ность Вооруженных сил России за последние годы значительно выросла. Этот процесс шел поэтапно – после подписания последовательно четырех указов Президента Владимира Путина, и каждый из документов увеличивал штатную численность армии.

Впервые изменения были зафиксированы с 1 января 2023 г., когда общее число сотрудников Минобороны достигло 2 039 758 чел., включая 1 150 628 военнослужащих. Прирост составил около 137 тыс. чел.[7] Уже в декабре 2023 г. президент утвердил второй указ, увеличивший численность до 2 209 130 чел., в том числе 1,32 млн военных – это еще плюс 170 тыс. чел. Третий указ, подписанный 16 сентября 2024 г., установил новый лимит – 2 389 130 чел., включая 1,5 млн военнослужащих. Он вступил в силу с 1 декабря 2024 г.

В марте 2026 г. вышел четвертый Указ Президента РФ № 139 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации», где устанавливалась штатная численность Вооруженных сил Российской Федерации в количестве 2 391 770 чел., в том числе 1 502 640 военнослужащих[8]. Признавался утратившим силу Указ Президента РФ от 16 сентября 2024 г. № 792 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 39, ст. 5789).

После последнего обновления данные о численности армии были обнародованы в открытых источниках. По оценкам экспертов, Россия вышла на второе место в мире по числу военных, уступая только Китаю (2,035 млн чел.). На третьем месте – Индия (1,4 млн), на четвертом – США (1,3 млн)[9].

Однако ставка исключительно на количественный состав вооруженных сил и военную силу, как следствие, на применение в военных конфликтах массы войск в современных условиях оказывается слишком дорогой и разрушительной. В качестве примера можно рассматривать действия США в Ираке, Ливии и Афганистане, где военные победы превратились в конечном итоге в политические и гуманитарные провалы. Оккупации ведут к экономическим кризисам, волнам беженцев и реваншистским настроениям в оккупируемых странах, а последствия тянутся десятилетиями.

Выводы

Таким образом, в современных условиях получил развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер при решающей роли вооруженных сил, где пространством вооруженной борьбы становятся вся территория противника до самого глубокого тыла, информационная среда и психология масс.

Важным фактором является наличие национально ориентированных субъектов принятия политических решений, способных видеть зависимость военной политики от влияния высоких технологий на военную и национальную безопасность государства, способных создавать новую военную культуру, совместимую с эпохой интеллектуальной войны, реализовать в военной политике и твердо отстаивать национальные интересы, формировать и использовать по назначению военно-силовой, интеллектуальный, информационный и социальный ресурсы.

В современном остроконфликтном мире субъектам военной политики предстоит внедрять интеллектуально-информационное оружие, а также оружие, основанное на новых технологических и физических принципах, вести информационно-психологическую войну, иными словами, активно использовать современные высокие технологии, учитывая многомерную всеобъемлющую пространственную военно-политическую среду, по своей природе перманентно конфликтную.

Список литературы

1. *Месснер Е. Э.* Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М. : Военный ун-т ; Русский путь, 2005. 696 с. (Российский военный сборник. Вып. 21).
2. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского ; редкол. : В. В. Толстых, И. А. Копылов. М. : РГГУ, 2021. 604 с.

[7] Армия растёт: три указа Путина, которые изменили численность ВС России за три года. 30 июня 2025 г. URL: https://dzen.ru/a/aGIMOe4Zhi0jJjn1 (дата обращения: 28.11.2025).

[8] Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации : указ Президента РФ от 04.03.2026 № 139. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[9] См.: Путин увеличил штатную численность Вооруженных сил // Ведомости : [сайт]. https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/03/03/1180776-vs-rf (дата обращения 27.04.2026).

3. *Штыков Д.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в ВС КНР // Зарубежное военное обозрение. 2025. № 9. С. 16–20.
4. *Медушевский А. Н.* Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. №. 3. С. 92–107. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107
5. *Nye J. S., Jr.* Soft power: The means to success in world politics. URL: https://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_Joseph_S_Nye_Jr (дата обращения: 04.04.2026).
6. *Наумов А. О., Белоусова М. В.* Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Ная: от рождения идеи до наших дней // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 2. С. 3–23.
7. *Давыдов Ю.* Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1 (4). С. 69–80. EDN: OIQCAT
8. *Душенко К. В.* Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. URL: https://info.wikireading.ru/273929 (дата обращения: 02.04.2026).
9. *Душенко К. В.* Универсальный цитатник политика и журналиста: 6000 цитат о политике, правосудии и журналистике. С. 119. URL: https://litlife.club/books/131530/read?page=119 (дата обращения: 02.04.2026).
10. *Корбут А.* План реформ спущен в войска // Независимое военное обозрение. 2001. № 6. С. 3.

Поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 29.05.2026
The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 29.05.2026